

ГЛАВА 4

Многие вещи не поддаются логике

Многие вещи в этом мире не поддаются логике. Для Ань Но Бай Ичэнь стал своего рода «рациональной константой». Он был забавным мальчишкой с добрым сердцем и острым языком; в нем сияли та искренность и пыл, что свойственны только юности. Он с любопытством взирал на мир и питал инстинктивный страх перед жестокой реальностью, но, ведомый порывом и бесстрашием молодости, робко касался этой самой реальности, отвечая людям теплом своей души. И это при том, что ему действительно было очень страшно.

Когда Бай Ичэнь дотащил Ань Но до больницы, он дрожал от ужаса.

Вся правая штанина Ань Но пропиталась кровью, каждый шаг оставлял на полу алый след. Из рассеченного виска продолжала сочиться, и вскоре плечо стало влажным и темным. Бай Ичэню никогда не доводилось видеть, чтобы человек истекал кровью так пугающе обильно; он всерьез опасался, что спутник вот-вот упадет в состояние шока. К тому же Ань Но не просто хромал — его заметно пошатывало из стороны в сторону. «Точно сотрясение мозга», — с тревогой подумал парень.

В приемном покое, пока накладывали швы, дежурный врач, глядя на невозмутимое лицо Ань Но, едва сдерживал ярость. Хирурги на ночных сменах больше всего ненавидят подобных «клиентов». Тяжелая травма или легкая — им всё равно светит изматывающая чистка и зашивание ран, а в худшем случае — срочная операция по удалению селезенки. Устанешь до смерти, а потом еще выяснится, что платить некому. Приедет полиция, спросит: из-за чего драка? И ответ всегда один, до тошноты банальный: косо посмотрел, слово за слово, завязалась перепалка — и всё от скуки.

Поэтому Чжоу Сюй, которого медсестра вытянула из ординаторской с жесткой, неудобной кушетки, закипал при виде неопрятного, похожего на прожженного бандита Ань Но. Для врача это означало лишь огромный объем работы. «Наверняка даже переломов нет, только выглядит страшно, а сам еще и ухмыляется...»

На самом деле Чжоу Сюй был несправедлив к Ань Но — тот едва не терял сознание от боли. Рана на бедре от ножа оказалась глубокой, и из-за того, что Ань Но постоянно двигался, края разрыва разошлись еще сильнее. После удара палкой голова раскалывалась, к горлу подступала тошнота, а перед глазами плыли темные пятна. Но он не мог позволить себе стонать или показывать слабость. Приходилось выдавливать беззаботную улыбку, потому что этот суетливый «маленький зверек» рядом с ним был на грани обморока от испуга.

Ань Но взглянул на Бай Ичэня. Слипшиеся от пота волосы прядями падали на лоб парня. Он судорожно нахмурил тонкие брови, в его ярких, лихорадочно блестящих глазах стояли слезы. Он так сильно стиснул зубы, что на скулах ходили желваки, словно отсчитывая ритм сердца: «Тук-тук, страшно, тук-тук, очень страшно». Бай Ичэнь побелел — можно было подумать, что это он потерял литр крови. Несмотря на то, что он крепко поддерживал Ань Но, сам он дрожал,

как сухой лист на осеннем ветру.

— Малыш, я в порядке. Не переживай.

— Кто... да кто за тебя переживает?! Слушай, ты... ты деньги взял? Я за твоё лечение платить не буду! Тебе больно? А есть хочешь? Может, сходим перекусить?.. Ой.

Бай Ичэнь и сам чувствовал, что несет какой-то бред.

— Ему не есть нужно, а обезболивающее! — буркнул разгневанный Чжоу Сюй и, не обращая внимания на то, как лицо Ань Но исказилось в мучительной гримасе, прижал спиртовой тампон к его лбу.

Ань Но выдавил ободряющую улыбку:

— Всё хорошо, правда. Просто щиплет немного. Деньги у меня есть, за всё заплачу. Послушай...

Ань Но вдруг осекся. Он осознал, что до сих пор не знает имени этого мальчишки.

Этого высокого, худощавого парня, который в знойный июньский полдень внезапно возник на пороге «Пылающего искушения». У него было хрупкое тело, но удивительно ясные глаза, проницательный ум и то упрямство, с которым идут напролом ради своей цели. С того самого момента, как Ань Но увидел его у входа в бар, он почувствовал какую-то необъяснимую симпатию. Его дерзость вызвала желание подразнить, а простодушная доброта — защитить и окружить заботой, как младшего брата.

И при этом он даже не спросил, как его зовут.

— Меня зовут Ань Но, я охранник в «Пылающем искушении». А тебя?

— Бай Ичэнь. Уборщик в «Цзюсяне».

— В «Цзюсяне»?

— В ресторане «Цзюсян». Цены божеские, выбор огромный, порции щедрые — пальчики оближешь!

Бай Ичэнь почувствовал себя полным идиотом — к чему он это сейчас ляпнул? Но при виде блестящей иглы и прочной нити, прошивающей плоть на бедре Ань Но и оставляющей за собой кровавые бороздки, он перестал контролировать собственный язык. Он покрылся холодным

потом, а его взгляд начал стекленеть.

Ань Но не выдержал. Он притянул Бай Ичэня к себе, заставив сесть рядом на кушетку, и накрыл его глаза своей широкой ладонью. Лицо у Бай Ичэня было совсем узкое; ладонь Ань Но почти полностью скрыла его, оставив лишь острый подбородок с мертвенно-бледными губами.

— Ты что, крови боишься? Закрой глаза и не смотри, я в порядке.

Бай Ичэню вдруг стало спокойно. Ладонь на его лице была прохладной, но сухой; он ощущал кожей легкое, приятное шероховатое покалывание, словно от мягкого льна. В темноте слух обострился. Голос Ань Но нельзя было назвать красивым — из-за курения и выпивки он стал немного хриплым, — но в нем чувствовалась уверенная, мужская сила. «Ему правда не больно, — подумал Бай Ичэнь. — Послушайте, как спокойно он говорит. Разве может быть плохо человеку с таким голосом?»

Чжоу Сюй мельком взглянул на них:

— А я-то думал, это ты его так разукрасил, раз ты так перепугался.

— Кто перепугался?! Просто я человек добрый, не могу смотреть, как люди страдают, ясно вам? Это вы тут все холодные, как лед, привыкли к трупам! Я сегодня, между прочим, доброе дело сделал! И не думайте, что только вы в белых халатах герои. Если бы не я, он бы сегодня концы отдал! Вы его лечите, потому что это ваша работа, а я его спас по зову сердца! Я гораздо благороднее вас!

Даже не видя доктора, Бай Ичэнь воинственно повернул голову в его сторону, продолжая словесную атаку.

Чжоу Сюй замер с иглой в руках, опешив от такого напора. Ань Но беззвучно рассмеялся, отчего раны на лице тут же отозвались резкой болью, и на глазах выступили слезы.

Швы на лбу и ноге закончили накладывать только к двум часам ночи. Когда они вышли из процедурной, лицо Бай Ичэня было таким бледным, что Ань Но невольно засомневался, кто из них двоих пострадал. Чувствуя укол совести, он предложил перекусить. Глаза мальчишки тут же вспыхнули, как утренние звезды, и он без тени смущения выпалил: «Идем в Цзиньдинсюань!» И тут же добавил:

— В такой час, кроме «Цзиньдинсюаня», только ночные лотки открыты. Ты весь в ранах, тебе нельзя в этот дым и гарь, да и антисанитария там полная. Ты раненый, тебе нужно подкрепиться чем-то приличным. Так что — только туда!

При этих словах на его лице отразилось такое нетерпение, что Ань Но, казалось, услышал, как парень сглатывает слюну. «Решил меня разорить», — усмехнулся про себя охранник. И

действительно, в ресторане Бай Ичэнь трижды перелистал меню от корки до корки и затараторил заказы так быстро, что Ань Но не успел и слова вставить. На столе выросла целая гора тарелок и плошек.

— Бай Ичэнь, ты меня в гроб вгонишь таким счетом, — обреченно вздохнул Ань Но.

Тот уже набил рот острыми вонтонами, обжигаясь и смешно размахивая ладонью у губ.

— Я тебе жизнь спас! — пробормотал он невнятно. — Неужели твоя жизнь стоит меньше этого ужина?

— Ладно, ладно, — Ань Но поднял руки в знак капитуляции. — Твоя взяла. Ешь давай, а то язык без костей.

— Вот именно, будь благодарен. Я же всего лишь попросил покормить меня. Тут и пятисот юаней не выйдет. Видишь, какой я скромный?

Глядя на Бай Ичэня, который уплетал еду за обе щеки, Ань Но гадал: как в этом рту остается место еще и для того, чтобы болтать без умолку?

— Старший брат Ань, а если мне когда-нибудь понадобится твоя помощь, ты поможешь? — Бай Ичэнь хитро прищурился.

— Смотря в чем.

Ань Но понимал, что этот парень — та еще лиса, и нужно оставить себе путь к отступлению.

— Всё будет честно и по закону! — Бай Ичэнь прижал руку к груди. — Обещаю!

На его физиономии было написано само благородство и искренность. Ань Но не удержался и взъерошил ему волосы — мягкие пряди приятно скользнули между пальцами.

После еды Ань Но наотрез отказался от предложения проводить его до «Пылающего искушения». Отказал так твердо, что Бай Ичэнь не стал настаивать. Он вскочил на велосипед и быстро скрылся в ночи.

В начале третьего утра Ань Но, замотанный бинтами, словно мумия, наконец добрался до бара.

В «Пылающем искушении» вовсю кипела жизнь. Грохотал рок, разноцветные лучи прожекторов полосовали толпу, в которой в экстазе извивались люди. Полуголые танцовщицы на сцене двигались в такт ритму с отсутствующими лицами. Ань Но проскользнул через

служебный вход, кивнул онемевшему от его вида Линь-цзы за стойкой и поднялся по скрытой за винным шкафом лестнице на третий этаж.

В комнате отдыха на диванах развалились Сяо И и еще несколько официантов. В воздухе висел плотный табачный дым. Сяо И, заметив хромящегося Ань Но, мгновенно вскочил. Он застыл, в его глазах отразилась тревога.

— Ты... что случилось? — Он подлетел к другу и схватил его за плечи.

— Ерунда, всё в порядке. Я к боссу, — Ань Но дал понять, что жить будет. Сяо И был человеком простым и прямым: если считал кого-то другом, то пошел бы за него в огонь и воду. Ань Но ценил это.

Глядя на перепуганного Сяо И, он невольно снова вспомнил лицо Бай Ичэня.

— Всё, я к шефу. Не волнуйся, — повторил Ань Но.

— Ладно, я жду здесь. Потом отвезу тебя домой. На свою «жену» ты сегодня точно не сядешь.

У Ань Но был мотоцикл, который он в шутку называл своей женой.

— Договорились.

Слова благодарности были лишними — между ними так не было принято.

Чжэн Жуй весь вечер курил одну за другой. Когда Ань Но вошел, комната была заполнена густым белым туманом, от которого у охранника тут же выступили слезы.

— Босс...

Чжэн Жуй вскинул взгляд — тяжелый, яростный. Затем глубоко вздохнул и потянулся к телефону на краю стола. Ань Но быстро накрыл его руку своей.

— Не звони брату Ханю.

— Но этот Мэн Гуанъи... он же тебя чуть не убил!

— Босс, — Ань Но вдруг усмехнулся. — Ты когда-нибудь видел, чтобы я оставался в долгу?

— Сколько их было?

— Четверо.

— Твои раны...

— Пустяки, зашили в больнице. Кости целы, легкое сотрясение. Пару дней отлежусь и буду как новенький.

Чжэн Жуй был бледен как полотно. Он нервно выхватил из пачки еще одну сигарету.

— Ань-цзы, я...

Ань Но примирительно похлопал его по плечу:

— Брат Чжэн, я понимаю. Тебе сейчас несладко. Что брат Хань? Он согласился?

— Сказал: три года! — Чжэн Жуй жадно затянулся, почти не выпуская дым, а словно проглатывая его. — Через три года он уедет со мной. Ань-цзы, я чувствую, что больше не выдержу.

Он посмотрел на маленькую рамку на столе, где стояло их общее фото с Хань Цзыфэем.

— Ань-цзы, скажи... я ведь помогаю совершать зло?

— Помогает.

—...

— Брат Чжэн, ты сам всё понимаешь. Что правильно, а что нет. Ты старше и опытнее меня. Но в жизни есть вещи, которые не подчиняются логике. И чувства — в первую очередь.

— Я не знаю, что делать. Я верил, что смогу всё изменить. Верил, что он остался тем же Хань Цзыфэем, что и десять лет назад. Но теперь я сомневаюсь. И в нем, и в себе. Мне кажется, я ошибался. Кажется, я гублю людей.

Внутри Ань Но всё вскипело. Возможно, это был лучший, единственный шанс. Но рассудок твердил: «Спокойно, только спокойно». Один неверный шаг — и всё рухнет. Он глубоко вдохнул. Внезапная слабость Чжэн Жуя застала его врасплох; сейчас было не время для глобальных планов, нужно было успокоить этого человека. Чжэн Жуй сейчас напоминал старинную вазу, покрытую тонкой сетью трещин: с виду целая и блестящая, но дунь ветерок — и она рассыплется в прах.

Ань Но впился взглядом в глаза босса и четко выговорил:

— Брат Чжэн, чего ты хочешь на самом деле?

Тот резко вскинул голову. Его глаза были затуманены болью и прорезаны красными нитями лопнувших сосудов. Казалось, эта краснота вот-вот разольется по всему телу, и кровь выступит из каждой поры. Чжэн Жуй действительно был на пределе.

— Ань-цзы, сегодня приходил Цзыфэй.

— Я знаю.

Ань Но мельком глянул на шею Чжэн Жуя. На коже темнел свежий засос — он ритмично подергивался в такт пульсации артерии, и это зрелище резало по глазам.

— Он сказал: «Жуй, я провернул еще одно крупное дело. Теперь весь восточный район — мой. Там ты сможешь делать всё, что пожелаешь». — Чжэн Жуй горько усмехнулся, так горько, что даже слез не было. Взгляд его уперся в пустоту. — Он до сих пор не понимает, чего я хочу на самом деле.

— Так скажи ему! Брат Чжэн, скажи ему прямо!

— Но ему это не нужно!

— Да что он тебе наговорил сегодня?

— Он сказал: «Жуй, я стану королем этого города».

— Он... — У Ань Но возникло недоброе предчувствие.

— Всё предельно ясно. Он не остановится. Пять лет назад он обещал: заработаем денег и уедем за границу, начнем всё с чистого листа. Но он передумал. Ему нравится здесь. Он хочет не просто остаться, он хочет подмять под себя весь мир.

В голосе Чжэн Жуя зазвучала жесткая, болезненная ирония.

— Скажи, Ань-цзы, кто я для него?

В его глазах остался лишь пепел отчаяния. Ань Но стиснул зубы и мгновенно принял решение. Это была игра с огнем, но только так можно было переломить ситуацию.

— Брат Чжэн, — произнес он. — Я всё устрою. Ты заберешь Хань Цзыфэя и уедешь.

— Ты думаешь, он согласится бросить всё это?

— А что, если у него просто не останется выбора?

Дыхание Чжэн Жуя перехватило, он покраснел.

— Ты... о чем ты? — Он мертвой хваткой вцепился в запястье Ань Но. Боль была невыносимой, но охранник не шелохнулся. Глаза Чжэн Жуя вспыхнули лихорадочным огнем, взгляд впился в лицо друга, словно нож: — Что ты задумал?!

<http://bllate.org/book/18167/1746635>